

М.Д. Рутман

Казанский женский монастырь в Ярославле в контексте развития городской среды

В православной России исторически, экономическими, культурными и культовыми центрами страны всегда были города. Одной из важнейших составляющих жизни города являлось взаимодействие с храмами и их святынями. Монастыри как оплоты православной веры имели особое духовное значение. Обителям, расположенным в черте города (для краткости мы будем именовать их «городскими»), было сложнее поддерживать свои сакральные функции из-за приближенности к миру и постоянной необходимости иметь не только религиозные, но и экономические связи с городом. Однако именно городские монастыри обретают немаловажную и ответственную социальную функцию – возможность непосредственного духовного, морально-нравственного воздействия на православную городскую паству назидательным примером праведности и благочестия. Несмотря на отход от первоначальных идеалов аскетизма, на секуляризационные процессы XVIII в. и на то, что в XIX в. монастыри становятся рычагами идеологического и социально-политического маневрирования государства и источниками роста материального благосостояния церкви, они сохраняют статус центров культурного и духовного пространства города и региона. При этом на положении городских монастырей, на жизни их обитателей отражаются все социокультурные и экономические процессы развития городской среды.

Городской монастырь со своим внутренним устройством, системой иерархии являлся своеобразным микросоциумом внутри города, его непременной социально-экономической и культурной составляющей, отвечая при этом

духовным потребностям городской среды. Поэтому, на наш взгляд, логичным представляется рассматривать историю развития городских обителей, и в частности Казанского женского монастыря в Ярославле, в контексте развития городской среды.

Согласно «Сказанию о чудотворной иконе Божьей Матери Ярославско-Казанской и основании Ярославско-Казанского женского монастыря» (источник рассматривается как достоверный [26]), монастырь был заложен в 1609 г. Основание обители в честь Богородицы явилось следствием обретения городом почитаемой святыни - списка с чудотворного образа Казанской Богоматери, впервые обретенного в Казани 8 июля 1579 г. [15] Важность для Ярославля появления чудотворной иконы Ярославской-Казанской Богоматери и новой обители была обусловлена несколькими обстоятельствами.

Во-первых: уже в XVI столетии сложилось почитание иконы Казанской Богородицы в стране и усилилось на рубеже XVI-XVII вв. Она почиталась в Ипатьевском монастыре в XVI в., о чем свидетельствуют переписные книги 1595 г. [25]. Икона Ярославской-Казанской Богоматери являлась одним из ранних известных списков чудотворного образа, и ее почитание на Ярославской земле, в Романовской слободе, также началось в конце XVI в.

Во-вторых: основание Казанского монастыря в Ярославле произошло в тяжелое для города и страны Смутное время, когда Россия находилась под натиском польско-литовской интервенции, царь Василий Шуйский нетвердо держался на престоле, и город за городом был вынужден признать Лжедмитрия II.

Апрель – май 1609 г. – самый трагический для Ярославля период. Тридцатого апреля отряды Лжедмитрия II начали осаду города, которая продолжалась несколько недель [16]. Ярославль был полуразрушен, многие жители убиты, храмы разграблены и сожжены. Однако в результате неприятель отступил с большими потерями. В течение всего этого времени икона Ярославской-Казанской Богородицы находилась в городе. Жители, приписав победу заступничеству Пречистой Девы и посчитав, что икона должна остаться в Ярославле, поспешили возвести храм на собственные средства в честь Богородицы и ее святого образа и поставить чудотворную икону в нем.

Была сооружена деревянная церковь, рядом вскоре построены деревянные кельи, в которых поселились 72 монахини разоренной Рождественской обители. Так было положено начало Ярославскому Казанскому женскому монастырю и особому почитанию иконы Ярославской-Казанской Богородицы.

Очевидно, что еще одна причина не только важности, но и необходимости создания монастыря – размещение лишенных духовного пристанища инокинь.

Всенародное почитание иконы Казанской Богородицы началось с XVII в., когда ее список сопровождал народное ополчение Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского в походе из Нижнего Новгорода на Москву для освобождения ее и всей России от польско-литовских войск в 1612 г. Особое отношение к образу сложилось у Романовых. Преодоление последствий Смутного времени оказалось связанным в религиозном русском сознании с заступничеством Богородицы.

Безусловно, вышеприведенные факты повлияли на сакральную значимость Казанского монастыря и его святости для жителей Ярославля, предопределили развитие обители и ее тесные связи с городской средой как XVII в., так и в последующих столетиях. Рели-

гиозные и экономические связи с городом прочно вошли в быт монастыря. Взаимоотношения носили продуктивный характер для обеих сторон: монастырь удовлетворял общественные духовные потребности, а город – материальные потребности монастыря.

После окончания Смутного времени и воцарения Романовых прерванный на рубеже XVI-XVII вв. процесс культурного и экономического развития Ярославля не только возобновился, но и стал более интенсивным: активизировались торговые связи, развивались ремесла, строились новые каменные храмы. Жители города имели духовную потребность и материальную возможность поддерживать существование сакрально значимого для них Казанского монастыря. Ярославский Казанский женский монастырь заполнялся в XVII в. насельницами в основном из числа горожанок, среди которых были и представительницы знатных городских родов. Многие из ярославцев становились «доброхотными дателями» монастыря, на пожертвования которых жила и благоустраивалась обитель. С момента своего основания и до 1802 г. Казанский монастырь не являлся общежительным, то есть инокини сами обеспечивали себя всем необходимым. Земля вокруг Казанского храма была застроена отдельно стоящими кельями. Часть их находилась в частном владении монахинь и строилась на их личные средства, другие принадлежали монастырю и сдавались в наем прихожанам и старицам. Некоторые являлись собственностью купцов, боярской знати и посадских людей. Кельи для стариц в монастыре содержали гости Семен Светешников, Иван Чистой, Григорий Никитников, князя Андрей Иванович Хованский, Иван Борисович Троекуров, Федор Юрьевич Хворостинин, стольник Афанасий Иванович Костюрин [22]. Имена этих благодетелей занесены в синодик монастыря. В нем же поминался род Василия Лыткина. Всего «у Казанской Богородицы на монастыре» располагались в 1646 г. 54 ке-

льи стариц и 11 приходских дворов, где проживали посадские люди, среди которых было немало иконописцев и серебряников, священнослужители, в том числе и из других приходских храмов, вдовы[1]. В подклетах некоторых келий жили «именем Христовым» нищие.

В 1649 г., при игуменье Дарии, на месте деревянной монастырской Казанской церкви «тщанием» священника обители Ермила Михайлова и «подаванием благочестивых жителей» построен первый каменный храм в честь иконы Казанской Богоматери[2]. В большом городском пожаре 1658 г. сгорели все деревянные постройки монастыря, пострадала и каменная церковь, но через несколько лет была восстановлена. В 1672 г. в новом храме освятили сначала алтарный придел во имя Параскевы Сербской, а в 1673 главный престол – во имя иконы Казанской Богоматери[19]. В 1680 г. интерьер собора украсили стеной росписью, которая была поновлена в 1817[19]. В 1684 г. к Казанскому собору пристроили каменную трапезу, где расположился теплый придел во имя Климента, папы Римского, и Петра Александрийского[19]. Эта скромная летняя пятиглавая церковь с трапезной и небольшой шатровой колокольней над папертью, по всей вероятности, была сооружена в традициях ярославского храмового зодчества. Необходимо отметить, что до 1818 г. церковь была приходской, что приводило к все большему сближению обители с городской средой и обеспечивало монастырю дополнительный приток пожертвований[11].

Основой благосостояния монастыря в XVII в. являлись пожертвования, размер и постоянство которых находились в прямой зависимости от уровня материальной обеспеченности горожан. Обитель не имела земельных владений, мельниц, рыбных ловель или других стабильных статей дохода. Финансовое положение улучшилось в 1655 г., когда царь Алексей Михайлович назначил выдачу из ярославских таможенных сборов монастырским старицам еже-

годного жалования в размере 112 рублей - по рублю на старицу[2]. Эта привилегия подтверждалась впоследствии царскими грамотами 1681 и 1683 гг.[3]

Развитие Ярославского Казанского монастыря в XVII столетии определялось также общекультурными тенденциями развития страны. В XVII в. было основано почти столько же новых обителей, сколько за три предшествующих столетия. Это подтверждает сакральный характер мировоззрения общества в рассматриваемый период и свидетельствует о духовной значимости для него существования таких институтов православия, как монастыри.

Таким образом, на развитие Ярославского Казанского женского монастыря в XVII в. повлияли и общеисторические процессы развития страны, и конкретные царские указы. Но основой относительно благополучного существования обители и залогом процветания в будущем стало особое отношение к ней горожан. Для сравнения обратимся к примеру Ярославского Афанасьевского мужского монастыря, по одним данным – основанного, по другим – возобновленного в начале XVII столетия. У этой обители, также обладавшей почитаемой святыней - чудотворной иконой Спаса Нерукотворного, не сложилось столь тесных, как у Казанского, взаимосвязей с городской средой в XVII в., что отразилось на развитии монастыря в последующее время.

Трудным периодом в жизни Ярославля и в связи с этим Казанской обители оказалась первая треть XVIII столетия, период пребывания на Российском престоле Петра I. Завершающиеся процессы формирования абсолютизма и централизации государства, затяжные военные походы в большой степени ударили по экономике провинции, а начавшиеся секуляризационные процессы по отношению к церкви нанесли серьезный урон ее благосостоянию. Материальные средства и силы страны были задействованы в строительстве Петербурга. Ярославль, как и многие другие

города, лишился в это время лучших мастеров. Основным же негативным последствием политики Петра для развития Ярославля оказалось снижение значимости Архангельского торгового пути. Налоговый гнет и потеря торгово-экономических связей изменили вектор развития городской среды.

В начале XVIII в. материальное положение горожан было неблагоприятным, поэтому пожертвования в пользу обители заметно сократились. Государственное содержание также не являлось стабильным. В 1707 г. Ярославскому Казанскому женскому монастырю вдвое сократили выдачу оклада, а в 1714 совсем перестали его выплачивать[23]. По челобитной игуменьи Эксакустодианы от 1719 г. царь Петр Алексеевич указал выплатить за прошедшие пять лет по 56 рублей в год и эту сумму выплачивать из таможенных денег впредь[23]. Но насколько ограниченными оставались средства монастыря, свидетельствует указ епископа Георгия от февраля 1727 г., по которому дозволялось постригать в иноческий чин «вдов и девиц престарелых», которые «келий и пищи и всякого кошту монастырского требовать не будут», а «пробавляться в оном собою»[7]. В 1731 г. игуменья Эксакустодиана жаловалась, что у монастыря «как в Ярославской, так и в прочих провинциях...никаких прибылых к пропитанию доходов нет»[4].

С конца 1730-х гг. несколько улучшилось положение Ярославля и, как следствие, Казанской обители: увеличились пожертвования в пользу монастыря и собора. Появились у Казанского и дополнительные источники дохода. В 1736 г. к монастырю была приписана, а в 1743 окончательно за ним закреплена каменная Спасская часовня на Семеновской площади, ранее принадлежавшая Варваринской церкви[8]. С 1761 г. духовными властями был разрешен, по обращению жителей Романова и Борисоглебска, ежегодный крестный ход с иконой Ярославской-Казанской Богородицы в эти города[5].

Факт прошения жителями разрешения принимать святую икону в храмах их городов свидетельствует о непрерываемой популярности и сохранении сакрального значения Казанского монастыря и иконы Ярославской-Казанской Богородицы не только для жителей Ярославля, но и его окрестностей, что, разумеется, отразилось на доходах обители.

Во второй половине XVIII в. восстановилось социально-экономическое положение Ярославля, развивалась промышленность, росло благосостояние жителей в целом, соответственно и их пожертвования в Казанский монастырь, что давало обители возможность заниматься ее обустройством. В 1766 г. была возведена невысокая каменная, с угловыми башнями, ограда Казанского монастыря[19]. Над Святыми воротами построили надвратную двухшатровую церковь Иоанна Предтечи, которую украсили стенным письмом. В 1792 г. было начато и в 1797 окончено строительство зимнего, Сретенского, придела Казанского собора, освященного во имя Спаса Нерукотворного[19].

Однако во второй половине XVIII столетия благосостояние Казанской обители определялось не только развитием городской среды.

В 1764 году по церковной реформе монастырь причислен к третьему классу с положенными по штату вакансиями игуменьи, казначеи, 15 монахинь, двух священников и двух причетников и ежегодным содержанием в 240 рублей 48 копеек[12].

В 1770 году Екатерина II пожаловала обители 500 рублей на постройку деревянных келий[19].

В 1797-1799 годах по указам Духовной консистории Казанский монастырь получил свои первые земельные владения в деревне Харневе, пустоши Проскуриной в Ярославском уезде и мельницу на реке Лахости - у обители появились постоянные источники дохода[12].

Таким образом, к концу XVIII века в Ярославском Казанском женском монастыре сохраняются старые и закладываются новые основы его будущего процветания.

В XVIII веке изменился социальный состав Казанского монастыря, что, отчасти, было связано с подобными изменениями в городской среде. Так же, как и в XVII веке, среди монахинь и послушниц были представительницы знати, духовенства, помещичьего и монастырского крестьянства, много посадских. Однако из-за притока крестьян в город в XVIII столетии увеличился и стал преобладающим процент насельниц из крестьянок. По этой же причине увеличилась доля приезжих из соседних уездов. Однако среди них были представительницы не только крестьянского сословия, что свидетельствует о почитании Казанской обители и о лучшем положении ее по сравнению с уездными женскими монастырями.

Как следствие, выросла и общая численность инокинь Казанской обители. В разные годы XVIII в. число их доходило до 150-170 человек. Дважды штат монастыря пополнялся: в 1732 г. в соответствие с синодальным требованием об упразднении «малобратских» монастырей в Казанский монастырь были определены монахини, ранее жившие при Преображенской церкви города Романова, а в 1763 – из упраздненного Троицкого монастыря Ярославской епархии[22].

На общем фоне неблагоприятного положения церкви и института монастырей в XVIII столетии развитие Ярославского Казанского монастыря проходило относительно благополучно. В первой половине XVIII в. в результате закрытия или объединения с более крупными было ликвидировано 175 монастырей[17]. После указа Екатерины II о секуляризации в 1764 г. Синод упразднил в общей сложности 589 монастырей[18]. Многие обители оказались заштатными, то есть лишенными государственной финансовой поддержки,

как, например, Ярославский Афанасьевский мужской монастырь. Ярославский же Казанский женский монастырь сохранил свое сакральное значение, в результате церковной реформы не был упразднен, а внесен в штат и помещен на государственное содержание, получив при этом и другие источники дохода. Развитие его определялось как условиями развития городской среды, так и событиями вне этого контекста, причем в большей степени, нежели в XVII столетии.

XIX-нач. XX вв. – период благополучного существования и развития монастырей в России, отсутствия каких-либо препятствий к их интенсивной хозяйственно-экономической деятельности, обусловленный патронистической политикой государства по отношению к церкви с целью использования ее идеологического влияния и материальных ресурсов в собственных интересах.

В то же время это период экономического и культурного подъема Ярославля и, как следствие, наивысшего во всех смыслах развития Ярославского Казанского женского монастыря. Богатеет город – богатеет монастырь. Движимое и недвижимое имущество обители благодаря пожертвованиям на протяжении всего упомянутого периода неуклонно растет. В первой половине XIX в. монастырь практически полностью отстроен заново. В 1808 г. над трапезным корпусом был возведен каменный верхний этаж «для жительства настоятельницы», в 1812-1817 гг. построены один трехэтажный и два двухэтажных каменных келейных корпуса, в течение 1815-1818 гг. сооружена новая каменная ограда с четырьмя башнями по углам[6]. В 1830 г. окончено начатое в 1820 строительство теплой церкви в честь Покрова Богородицы с приделами Николая Чудотворца и Иоанна Предтечи и четырехъярусной колокольней[11]. В 1835-1845 гг. велось строительство и благоустройство величественного каменного пятиглавого холодного собора Казанской Богородицы на месте прежне-

го[21]. Во второй половине столетия монастырь продолжал благоустраиваться. В 1852-1856 гг. за Покровской церковью были сооружены два новых двухэтажных корпуса[21]. В 1861 г. в юго-восточной башне монастырской ограды была устроена часовня[13]. В 1878-1881 построена третья, Сретенская, церковь монастыря[14]. В 1891-1894 гг. на земле Казанского монастыря близ Тверицкой слободы была возведена одноглавая Тихвинская церковь, которая в начале XX в. была расширена[9]. При ней основано монастырское кладбище. К 1916 г. во владении монастыря находилось 4 каменных церкви, 3 каменных и 1 деревянная часовни, 9 каменных и 1 деревянное здание[10].

В 1802 г. Ярославский Казанский женский монастырь стал общежительным. Это повлияло на укрепление его связей с городской средой. Общежительные монастыри, в отличие от необщежительных, строились на основании общего владения имуществом и ведением монашескими общими хозяйствами, что неизбежно требовало постоянных сношений с миром. Казанский монастырь был полноценным участником динамично развивавшихся в городской среде хозяйственно-экономических отношений. Дома и дачи, принадлежавшие обители, сдавались в аренду горожанам, что приносило монастырю значительный доход.

Благодаря постоянно растущим прибылям обитель имела возможность вести разноплановую и многообразную благотворительную деятельность. При монастыре существовала церковно-приходская школа для девочек, богадельня, он выделял средства на развитие духовных учебных заведений.

Летом 1812 г., в начале Отечественной войны, перед Ярославлем, как и перед всей страной, встал вопрос формирования народного ополчения. Казанский монастырь пожертвовал на эти цели 300 рублей, монахини и послуш-

ницы – 320 рублей личных средств, а настоятельница отдала свое годовое жалование в 100 рублей[24]. Город столкнулся тогда и с проблемой размещения беженцев. Часть из них нашла приют в обители, как и пострадавшие от неприятеля монахини. На некоторое время в Казанском останавливались игумены московских Вознесенского и Новодевичьего монастырей.

Примером развития культурных традиций Ярославля были работы золотшвейной и иконописных мастерских обители, признанные в России и за ее пределами.

В формировании социального состава Казанского монастыря в XIX-нач. XX вв. играют роль тенденции, зародившиеся еще в XVIII столетии. В монастырь шли представительницы практически всех сословий и социальных групп тогдашней России. Основой же социального состава обители являлись наряду с мещанками – уроженками Ярославля крестьянки, особенно после 1861 г. Вместе с увеличением численности городского населения растет и число монашеских и послушниц. К началу XX в. их число достигало уже 400. Естественно, сохранялась и тенденция увеличения процента приезжих, но теперь не только из других уездов, но и губерний, что было связано, на наш взгляд, с благополучным развитием Казанского монастыря и почитанием обители и ее святыни.

Развитие Ярославского Казанского женского монастыря, как и городских обителей в целом, практически по всем историческим параметрам соотносилось с развитием городской среды и во многом было обусловлено общенациональными социокультурными, политическими и экономическими процессами. Тем не менее, как бы ни складывались внешние обстоятельства, более чем трехсот лет своего существования обитель сохраняла статус одного из духовных центров города и края.

Примечания

1. Агафангела. Ярославский Казанский женский монастырь. Его святыни и история. Ярославль, 2003. С. 16.
2. Агафангела. Ярославский Казанский женский монастырь. Его святыни и история. Ярославль, 2003. С. 17.
3. Агафангела. Ярославский Казанский женский монастырь. Его святыни и история. Ярославль, 2003. С. 18.
4. Агафангела. Ярославский Казанский женский монастырь. Его святыни и история. Ярославль, 2003. С. 24.
5. Агафангела. Ярославский Казанский женский монастырь. Его святыни и история. Ярославль, 2003. С. 25.
6. Агафангела. Ярославский Казанский женский монастырь. Его святыни и история. Ярославль, 2003. С. 30-31.
7. ГАЯО. Ф. 1118. Оп. 3. Д. 432. Л. 4 об.
8. ГАЯО. Ф. 1118. Оп. 3. Д. 432. Л. 10.
9. ГАЯО. Ф. 1118. Оп. 1. Д. 27. Л. 2.
10. ГАЯО. Ф. 1118. Оп. 1. Д. 31. Л. 7.
11. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 6695. Л. 2.
12. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 714. Л. 2.
13. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 3115. Л. 7.
14. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 3430. Л. 3.
15. Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описания святых чудотворных ее икон, чтимых православною церковью, на основании Священного писания и церковных преданий, с изображением в тексте праздников и икон Божией матери / Сост. С. Снесорева. Ярославль, 2002. С. 8.
16. Сказание о чудотворной иконе Божией матери Ярославско – Казанской и основании Ярославско – Казанского женского монастыря. Ярославль, 1890. С. 35.
17. Русская Православная Церковь. Монастыри: Энциклопедический справочник / Под общ. ред. архиепископа Бронницкого Тихона; Сост. А. В. Никольский. М., 2000. С. 386.
18. Русская Православная Церковь. Монастыри: Энциклопедический справочник / Под общ. ред. архиепископа Бронницкого Тихона; Сост. А. В. Никольский. М., 2000. С. 387.
19. Рутман Т. А. Храмы и святыни Ярославля. Ярославль, 2005. С. 369.
20. Рутман Т. А. Храмы и святыни Ярославля. Ярославль, 2005. С. 370.
21. Рутман Т. А. Храмы и святыни Ярославля. Ярославль, 2005. С. 373.
22. Рутман Т. А. Храмы и святыни Ярославля. Ярославль, 2005. С. 377.
23. Рутман Т. А. Храмы и святыни Ярославля. Ярославль, 2005. С. 378.
24. Рутман Т. А. Храмы и святыни Ярославля. Ярославль, 2005. С. 381.
25. Чугреева Н. Н. «И бывает ход большой». О почитании иконы Богородицы Казанской в царствование Михаила Федоровича // «Светильник». Религиозное искусство в прошлом и настоящем. 2003. № 2-3. С. 25.
26. Шабасова О.И. Ярославские сказания о чудотворных иконах в историко-культурной традиции края (XVII – начало XVIII в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 1998.